

Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія
Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriâ: İstoriâ ta arheologiâ
Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta. Seriâ: İstoriâ i arheologiâ
Dnipropetrovsk University bulletin. History & archaeology series

Visn. Dnipropetr. univ., Ser.: İstor. arheol. 2017. 25(1), 182–188

doi: 10.15421/261720

ISSN 2412-5334 (Print)
ISSN 2414-9578 (Online)

www.via.dp.ua

УДК 94(47) «1762/1796» (092)

М. А. Руднев

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Дело Арсения Мацеевича как «индикатор» идеологии церковного консерватизма екатерининской эпохи: историографический аспект

На материале историко-биографических работ, а также обобщающих трудов по истории Русской православной церкви и общественно-политической мысли рассматриваются историографические оценки и трактовки идеологического содержания и мотивов церковной оппозиции 1760-х гг. против политики Екатерины II во главе с митрополитом Арсением Мацеевичем в контексте проблемы формирования и развития церковного консерватизма синодального периода от его исходной оппозиционной версии к последующему «системному» обличью.

Ключевые слова: Арсений Мацеевич, церковный консерватизм, церковное землевладение, секуляризация, екатерининская политика, оппозиция, идеологическое содержание, мотивация, историографический аспект, оценка, трактовка.

Руднев М. А. Справа Арсенія Мацеевича як «індикатор» ідеології церковного консерватизму катерининської доби: історіографічний аспект.

На матеріалі історико-біографічних робіт, а також узагальнюючих праць з історії Російської православної церкви та суспільно-політичної думки розглядаються історіографічні оцінки і трактовки ідеологічного змісту та мотивів церковної опозиції 1760-х рр. супроти політики Катерини II на чолі з митрополитом Арсенієм Мацеевичем у контексті проблеми формування і розвитку церковного консерватизму синодального періоду від його першої опозиційної версії до подальшого «системного» обличчя.

Ключові слова: Арсеній Мацеевич, церковний консерватизм, церковне землеволодіння, секуляризація, катерининська політика, опозиція, ідеологічний зміст, мотивація, історіографічний аспект, оцінка, трактовка.

Rudnev M. A. The cause of Arseniy Matseevich as an «indicator» of the ideology of the church conservatism at the Catherinian age: historiographical aspect.

On the materials of the historico-biographical treatises and furthermore the generalizing and monographic works in history of the Russian Orthodox Church and the social and political thought the historiographical appraisals and treatments of the ideological content and motivation of the church opposition to the Catherine's II policy led by metropolitan of Rostov Arseniy Matseevich is examined. This problematico-historiographical review is realized in the context of the Russian conservatism's origins and development from its initial oppositional version to the posterior incarnation. The Russian Pre-October and émigré "secular" historians (V. S. Ikonnikov, A. V. Kartashev) appraised Arseniy Matseevich's struggle against the secularization church estates decreed by Catherine II as the manifestation of the class economical egoism of the highest clergy only. These authors denied any «ideal» (spiritual and ideological) motives of his opposition to the Catherinian policy. Contrary to this viewpoint in the apologetical treatise about Arseniy Matseevich published in 1912 the priest M. S. Popov represented him as the principal ideological fighter for the Church's independence of the Catherinian absolutist regime. The Soviet historiography and the majority of the contemporary Russian historians asserts the «class egoistical» economical motivation of Arseniy Matseevich's opposition to the Catherinian politics and confronted his oppositional church conservatism with its «system» version personified by the metropolitan of Moscow Platon (Levshin).

Key words: Arseniy Matseevich, church conservatism, church landownership, secularization, Catherinian policy, opposition, ideological content, motivation, historiographical aspect, appraisal, treatment.

Постановка проблемы. «Вечная» и неисчерпаемая в своем событийно-хронологическом многообразии и драматизме проблема взаимоотношений Русской православной церкви и светской власти (в ее конкретных исторических обликах Московского царства, Петербургской империи и атеистического, а точнее, квазирелигиозного Советского Союза) сохраняет непреходящую интеллектуальную и морально-идеологическую актуальность вплоть до настоящего времени. Одной из ярких и трагических страниц этой многовековой истории церковно-государственных отношений стал последний всплеск открытого противостояния (до 1917 г.) «Священства» и «Царства» вокруг секуляризации монастырских земель, осуществленной правительством Екатерины II в 1764 г. В этом неравном драматическом противоборстве оппозиционное священство, идейно-мировоззренческая позиция которого со всей очевидностью отражала идеологию тогдашнего «внесистемного» церковного консерватизма, было представлено колоритной фигурой ростовского митрополита Арсения Мацеевича (1697 – 1772), окончившего свои дни безымянным узником одиночной камеры Ревельской крепости.

Вполне закономерно, что яркая личность и трагическая судьба этого непримиримого идейного и личного противника Екатерины II – к тому же этнического украинца и выпускника Киево-Могилянской академии – обрела новую мемориально-идеологическую актуальность в контексте недавнего катастрофического обострения неизбывного экзистенциального «спора славян между собою» в лице современных России и Украины.

Вместе с тем, для современного неангажированного исследователя олицетворяемая Арсением Мацеевичем церковная сословно-идеологическая оппозиция служит наглядным доказательством социальной и, соответственно, духовно-мировоззренческой разноликости, присущей русскому консерватизму уже на начальном этапе его исторического бытия в качестве одного из «состоявшихся», исторически длительных феноменов общественной мысли – т. е. в 1760-е годы, когда в процессе идейного противостояния в екатерининской Уложенной Комиссии произошла ее первичная дифференциация на два противостоящих, но при этом органически взаимосвязанных направления: прогрессистское («просветительское») и консервативное. Как известно, второе из них в своей первозданной магистральной версии было представлено дворянским консерватизмом, чья

идеология – при всей кажущейся парадоксальности подобной картины – во многих отношениях основывалась на философско-теоретических парадигмах европейского Просвещения, и для которого, во всяком случае в лице его фактического основоположника князя М. М. Щербатова, был характерен последовательный и даже воинственный антиклерикализм.

Изложение основного материала. Переходя к непосредственно интересующему нас историографическому аспекту исторического феномена консервативной церковной оппозиции, олицетворяемой Арсением Мацеевичем, приходится констатировать, что вплоть до настоящего времени этот примечательный сюжет российской истории все еще не стал предметом действительно объективного и всестороннего исследования. Единственное предсказуемое исключение составляют разноформатные биографические работы об опальном ростовском митрополите, а также соответствующие сюжеты в обобщающих трудах по истории Русской православной церкви (при этом исчерпывающее и даже репрезентативное освещение последних неместимо в ограниченный формат и сюжетно-тематические рамки журнальной статьи и может стать предметом отдельного проблемно-историографического исследования).

Детальное документировано-фактографическое изложение предпосылок и обстоятельств дела Арсения Мацеевича, представленное в написанном и изданном в 1875 г. 25 томе «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (1820 – 1879), в принципе не предполагало его идеологического истолкования и, тем более, историко-политической («направленческой») идентификации идейных позиций нашего героя. Автор первого в полном смысле научного российского исторического меганарратива лишь констатирует тот очевидный факт, что с поражением и гибелью опального ростовского митрополита «кончилась борьба за вопрос, поднятый в русской жизни еще в XV веке» [т. н. «спор о церковных имуществвах» между духовной и светской властями и внутри самой Церкви – *Авт.*] (Соловьев, 1998, с. 196). По словам С. М. Соловьева, этот неизбывный вопрос российской истории при екатерининском абсолютизме не мог быть «решен так, как был решен в XV в. [сохранение *status-quo* в интересах Церкви – *Авт.*], и Арсений ростовский пал, защищая в XVIII в. мнение Иосифа Волоцкого» (Соловьев, 1998, с. 196). Вместе с тем этот непреложный для него вывод автор «Исто-

рии России с древнейших времен» как бы уравновешивает вполне сочувственной морально-эстетической характеристикой личности защитника исторически обреченного дела: «Но как бы историк не отнесся к этому мнению, нельзя не признать за Арсением мужества в отстаивании своего мнения до конца. Он просил снисхождения... но не жертвовал своими убеждениями для получения прощения, освобождения от наказания» (Соловьев, 1998, с. 196).

Первой заслуживающей профессионального историографического интереса специальной работой об опальном ростовском митрополите стала «одноименная» журнальная монография будущего академика В. С. Иконникова (1843 – 1923), опубликованная в журнале «Русская старина» (1879, № 7, 8, 9). Известный киевский историк решительно отказывает Арсению Мацеевичу в каких бы то ни было «высоких» духовно-идеологических мотивах («какое-то высшее духовное воззрение») его упорной борьбы против секуляризации церковных земель, обнаруживая за ней лишь своекорыстные крепостнические интересы высшей церковной иерархии (Иконников, 1879, с. 15). По версии В. С. Иконникова, его оппозиционность якобы была ориентирована на «один прибыток и личное [!? – *Авт.*] обогащение» и поэтому изначально не оставляла места для постановки вопроса «о праве... личности с религиозной точки зрения, какая проявлялась иногда у представителей этого направления [церковного консерватизма? – *Авт.*] в прежнее время» (Иконников, 1879, с. 15). При этом киевский историк не видит никакого отличия во взглядах Арсения «на личность человека [так у В. С. Иконникова – *Авт.*] от воззрений на нее защитников крепостного права», т. е. тогдашних дворян-консерваторов (для характеристики их социально-политической «антропологии» он обращается к критическим замечаниям А. П. Сумарокова на «Большой Наказ» Екатерины II) (Иконников, 1879, с. 15). Таким образом, резюмирует В. С. Иконников, «взгляд Арсения и его единомышленников на имущественные права церкви нисколько не разнится от мнения самых крайних защитников крепостного права того времени» (Иконников, 1879, с. 15). Следует отметить, что подобная трактовка оппозиционной деятельности Арсения Мацеевича, при которой ее мотивация сводится лишь к защите своекорыстных экономических интересов высшего и монастырского духовенства и при этом, по сути, лишается какого бы то ни было «идеального» (духовно-идеологического) содержания,

стала практически общепринятой версией в церковной исторической науке дореволюционного периода.

Среди монографических работ об опальном ростовском митрополите особое место занимает объемная книга священника М. С. Попова «Арсений Мацеевич и его дело» (Попов, 1912). Ее можно рассматривать как своеобразный итог полувековой историко-биографической традиции (первые журнальные публикации о нашем герое появились в начале 1860-х гг.), практически полностью прерванной в послеоктябрьский период. Главной особенностью книги М. С. Попова, благодаря которой она заслуживает отдельного разговора в сюжетно-тематическом контексте нашего проблемно-историографического исследования, является ее ярко выраженный апологетический характер и даже определенная идеологизированность авторской позиции.

Прежде всего историк-священник выражает решительное неприятие основной идейно-концептуальной тенденции большинства предшествующих работ об Арсение Мацеевиче, авторы которых (в том числе будущий академик В. С. Иконников) приписывали «ревнителю церковных прав... темные черты крепостника», «тогда как Екатерина II, взявшая крестьян у духовных властей, представлялась [этими авторами – *Авт.*] в светлом виде освободительницы угнетенных» (Попов, 1912, с. XI).

Со своей стороны, М. С. Попов видит в опальном ростовском митрополите отнюдь не ярого крепостника, а отважного борца за «достоинство церкви», которая в результате преобразовательной политики Екатерины II оказалась перед гораздо более серьезной угрозой, чем «потеря земельных владений» (Попов, 1912, сс. XI, 585, 588). Более того, в изображении его биографа-апологета Арсений Мацеевич предстает деятельным защитником помещичьих крестьян (на основании неких «внушительных свидетельств» о том, как он «грозно стоял за них против помещиков, позволявших наносить им обиды») – защитником крестьянских интересов, якобы заслужившим «упорное сочувствие» народа (Попов, 1912, сс. XV, 589, 590). При этом М. С. Попов отрицает наличие у своего героя, который отнюдь «не заявил себя сторонником теории о двух властях, духовной и светской», каких-либо теократических идеалов и замыслов «по образу и подобию» патриарха Никона и даже сколько-нибудь ярко выраженного стремления к восстановлению патриаршества (Попов, 1912, с. 586). В конечном итоге, согласно аксиоматичному заключению

историка-священника, секуляризация церковных земель в 1764 г., а также поражение и гибель ее главного противника Арсения Мацевича, стали торжеством насаждавшихся Екатериной II «государственных идей западного типа» и ключевой вехой на пути дальнейшего «огосударствления» Русской православной церкви в Петербургской империи (Попов, 1912, с. 559).

Как противоположный идейно-концептуальный «полюс» историографического образа опального ростовского митрополита можно расценивать крайне негативную оценку его оппозиционной деятельности и соответствующую трактовку ее идейной мотивации в заключительном томе двухтомных «Очерков по истории русской церкви» (1959) А. В. Карташева (1875 – 1960). Видный историк русского зарубежья, политический и церковно-общественный деятель характеризует Арсения Мацевича как «неподвижного тотального крепостника», который был «настолько ослеплен консервативностью своих понятий о церковном имуществе», что «просто не в силах был мыслить жизнь церкви без крепостного труда» – и расценивал его протест против «неизбежных последствий церковной реформы Петра» как «слепое, почти детское непонимание переживаемого исторического перелома» (Карташев, 1992, сс. 456, 460, 462). Столь негативные и даже обличительные оценки, несомненно, были обусловлены общей прогрессистской концепцией Карташева-историка, а также, вероятно, неизжитым кадетским либерализмом – несмотря на очевидное постреволюционное эмигрантское «поправление» – бывшего министра вероисповеданий Временного правительства, ярким свидетельством чему служит легковесная риторическая формула насчет некоей «узости [? – *Авт.*] консервативных душ», якобы в полной мере присущей опальному ростовскому митрополиту (Карташев, 1992, с. 460). По утверждению А. В. Карташева, его охранительный «пафос питался его личным пристрастием к делам хозяйственным» (т. е., очевидно, эгоистическими социально-экономическими интересами), при этом, «как у патриарха Никона, так и у Арсения, интерес хозяйственный вносит уродливые [! – *Авт.*] черты в их архиерейскую мораль» (Карташев, 1992, с. 456). Автор «Очерков по истории русской церкви» обращает внимание на то очевидное, с его точки зрения, обстоятельство, что именно опальному ростовскому митрополиту «как крупнейшему «душеладельцу» [кавычки А. В. Карташева – *Авт.*], и приличествовало быть лидером в защите этой

до неприличия устарелой формы обеспечения церкви [крепостного землевладения – *Авт.*]» (Карташев, 1992, с. 460).

Кроме того, А. В. Карташев обнаруживает определяющую национально-культурную (по современной терминологии, «этнопсихологическую») подоплеку клерикальной и «крепостнической» оппозиции екатерининской политике во главе с урожденным украинцем и «могилянцем» Арсением Мацевичем или, согласно его более чем тенденциозному «диагнозу», «идеологии, подсознательно [! – *Авт.*] залегшей в психике русских южан [духовенства «могилянской школы» – *Авт.*], выросших в атмосфере латинства и польщизны [так у А. В. Карташева – *Авт.*]» (Карташев, 1992, с. 456).

В высшей степени примечательно, что «испорченному» влиянием польско-католического клерикализма малороссийскому духовенству автор «Очерков по истории русской церкви» противопоставляет несравнимо более симпатичных для него «церковников-великороссов», которые, по его утверждению, при всей тяжести для них «бытовой революции секуляризации», «встретили ее и вынесли как тяжелый долг перед родным государством и народом» (Карташев, 1992, с. 456).

Вместе с тем А. В. Карташев вынужден признать, что не только клерикалам-«южанам», но и всем тогдашним православным архиереям, в том числе «самым «законопослушным» из великороссов, была страшна и нелегка эта имущественная реформа, и они невольно мыслили бурного Арсения выразителем их собственных тревог» (Карташев, 1992, с. 460).

Нетрудно предположить, что в советской исторической науке – например, в итоговом обобщающем труде «Русское православие: вехи истории» (Клибанов, 1989), подготовленном многочисленным авторским коллективом во главе с А. И. Клибановым, – безраздельно преобладал взгляд на Арсения Мацевича как на непримиримого защитника своекорыстных имущественных интересов Церкви (а не идейного борца за ее самостоятельность), выразителя «последовательно крепостнических взглядов» (Рындзюнский, 1989, с. 284). Согласно заключению П. Г. Рындзюнского, автора соответствующей главы под выразительным названием «Церковь в дворянской империи (XVIII в.)» – выводу, в «перестроечной» интеллектуальной ситуации 1989 года звучащему несколько архаично из-за своей «терминологической ортодоксальности», – после того, как «служители

церкви высшего ранга стали наряду с бюрократическим аппаратом и в единстве с ним главным оплотом феодально-абсолютистского государства», лишь «отдельные рецидивы прошлых настроений, какими были, например, протесты Арсения Мацеевича, свидетельствовали о том, что в высшем духовенстве, как наиболее консервативной части [! – *Авт.*] правящих сословий, сохранились взгляды, несозвучные новым порядкам...» (Рындзюнский, 1989, сс. 297, 298). «Однако теперь в борьбе с ними правительство имело возможность опереться на широкие круги преданных ему церковных сановников», – отмечает советский историк, указывая на духовного наставника будущего императора Павла I митрополита Платона (Левшина) (1737 – 1812) как на «типичного представителя... нового типа» провластного «духовенства высокого ранга» (Рындзюнский, 1989, с. 298).

Вплоть до настоящего времени единственной заслуживающей внимания попыткой вписать трагическую фигуру Арсения Мацеевича в общий контекст генезиса русского консерватизма (во всей его сословно-корпоративной и идейной многоликости) остается беглая характеристика его оппозиционной деятельности в коллективной монографии современных российских историков «старой школы» В. Я. Гросула, Б. С. Итенберга, В. А. Твардовской, К. Ф. Шацилло и Р. Г. Эймонтовой «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000). По вполне предсказуемому заключению В. Я. Гросула, опальный ростовский митрополит, выступая против мероприятий екатерининского режима, затрагивавших интересы Церкви, «демонстрировал свои последовательно крепостнические взгляды» (Гросул, 2000, с. 30).

Гораздо более оригинальным и плодотворным авторским шагом, с историографической точки зрения, представляется выделение видным российским историком «советской школы» – наряду с жестоко подавленной «церковной фрондой» – другого, неопозиционного течения в церковном консерватизме екатерининской эпохи, к которому он причисляет уже упоминавшегося митрополита Платона (Левшина) и епископа Дмитрия (Сеченова) (Гросул, 2000, с. 30). По утверждению В. Я. Гросула, для этих высших церковных иерархов, полностью поддерживавших стратегический курс правительственной политики, были характерны «открытые выступления против светской науки, против вольномыслия» (главной преградой распространению которого они считали «развитие

духовного обучения»), что позволяет относить их к консервативному лагерю русской общественной мысли (Гросул, 2000, с. 30).

Разумеется, подобная попытка первичной дифференциации церковного консерватизма екатерининской эпохи, неразрывно связанная с трактовкой оппозиционной деятельности Арсения Мацеевича в контексте становления консервативной идеологии на российской почве, по своему содержательному и идейно-концептуальному «формату» может рассматриваться как очевидный случай «постановки проблемы», что позволяет говорить лишь о потенциальных перспективах формирования соответствующей историографической (историко-церковной) традиции.

В завершение нашего проблемно-историографического опыта было бы уместным хотя бы эпизодически затронуть вопрос о присутствии «слова и дела» опального ростовского митрополита в многочисленных биографических трудах о Екатерине II новейшего (постсоветского) времени, большинство из которых, при всей их исчерпывающей «форматной» фундаментальности, принадлежит, скорее, к научно-популярному жанру. Среди них, с точки зрения интересующей нас историко-церковной проблематики, особого внимания заслуживает вышедшая в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» шестисотстраничная книга одного из ведущих современных специалистов по истории екатерининской эпохи О. И. Елисеевой «Екатерина Великая» (Елисеева, 2010). Легко предположить, что для ее авторской концепции – впрочем, как и для практически всех подобных новейших биографических трудов – характерен ярко выраженный апологетический подход по отношению к «главной героине». Поэтому неслучайно характеристика О. И. Елисеевой дела Арсения Мацеевича и сопутствующая оценка его оппозиционной деятельности обнаруживает отчетливое сходство с уже озвученной нами идейно-концептуальной позицией апологета синодального периода А. В. Карташева: «При чтении его [Арсения Мацеевича – *Авт.*] гневных филиппик возникает чувство, что воскрес протопоп Аввакум, ратующий за «древнее благочестие». Однако, в отличие от знаменитого раскольника, митрополит не был бескорыстным защитником веры» (Елисеева, 2010, с. 315). Вслед за А. В. Карташевым отказывая Арсению в этом высоком статусе и, соответственно, в каких-либо высоких духовно-идеологических мотивах его антиекатерининской оппозиции, О. И. Елисеева характеризует

нашего героя как «самого богатого из православных архиереев», который «владел шестнадцатью тысячами душ и отстаивал право Церкви на имущественную [! – *Авт.*] независимость от государства», но при этом в своем социально-корпоративном эгоизме считал, что «забота о просвещении и инвалидах – дело светской власти» (Елисеева, 2010, с. 315).

Не менее красноречивым историографическим фактом можно считать отсутствие не только отдельной справочной статьи, но даже упоминания об Арсении Мацеевиче на страницах фундаментального энциклопедического словаря «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» (Шелохаев, 2010), представляющего собой, без преувеличения, «последнее слово» или, по крайней мере, поворотный момент современной российской историографии дооктябрьского консерватизма. Соответственно, для авторского коллектива во главе с В. В. Шелохаевым персонализированная история интересующего нас духовно-идеологического феномена (консерватизма церковного) начинается с его «системной» версии в лице митрополита Платона (Левшина). В справочной статье А. С. Глазевой «Платон (в миру – Петр Георгиевич Левшин)» (Глазева, 2010) особо акцентирована ведущая роль его «воспитанников» в борьбе «консервативно настроенной части православного духовенства и общества» за «чистоту православных догматов и господствующего положения Русской православной церкви» против либеральных тенденций в духовно-религиозной сфере, которые активизировались в конце XVIII – начале XIX вв. и обрели угрожающую актуальность в контексте экуменистической (де-факто «протестанто-

фильской») религиозно-идеологической политики Александра I в первые годы после победы над Наполеоном и создания Священного Союза. По утверждению современного биографа митрополита Платона, именно его ученики и единомышленники составили кадровую основу т.н. «русской православной оппозиции» (концептуально-терминологическая конструкция ее коллеги Ю. Е. Кондакова, автора этапной для интересующей нас историографической традиции монографии «Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801 – 1825)» (Кондаков, 1998)) – оппозиции, действия которой, при негласной поддержке могущественного А. А. Аракчеева, «в итоге привели к отставке министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, закрытию Библейского общества, способствовали возвращению утраченных православной церковью позиций» (Глазева, 2010, с. 361).

Выводы. Подводя предварительные итоги осуществленного нами «пробного» проблемно-историографического обзора, можно с уверенностью утверждать, что дальнейший всесторонний и объективный анализ освещения и трактовки идеологических аспектов «слова и дела» Арсения Мацеевича в российской, украинской и, возможно, в зарубежной научной гуманитаристике должен стать одним из исходных структурно-сюжетных элементов будущего обобщающего исследования историографии русского консерватизма эпохи Империи и, в первую очередь, его специфической и до сих пор малоизученной типологической версии, нашедшей свое воплощение в историческом бытии Русской православной церкви синодального периода.

Библиографические ссылки

- Глазева, А. С. (2010). Платон (в миру – Петр Георгиевич Левшин). В В. В. Шелохаев (Ред.), *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия* (стр. 359–362). Москва: РОССПЭН.
- Гросул, В. Я. (2000). Зарождение российского политического консерватизма. В В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шаццлло, & Р. Г. Эймонтова, *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика*. Москва: Прогресс-Традиция. Получено из http://propagandahistory.ru/books/pod-red--V-YA--Grosula_Ruskiy-konservatizm-XIX-stoletiya--Ideologiya-i-praktika/
- Елисеева, О. И. (2010). *Екатерина Великая*. Москва: Молодая гвардия.
- Иконников, В. (1879). Арсений Мацеевич. *Русская старина* (9), 1–34.
- Карташев, А. В. (1992). Очерки по истории русской церкви. В А. В. Карташев, *Собрание сочинений : в 2 т.* (Т. 2). Москва: ТЕРРА. Получено из https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/ocherki-po-istorii-russkoj-tserkvi-tom-2/
- Клибанов, А. И. (Ред.). (1989). *Русское православие: вехи истории*. Москва: Политиздат.
- Кондаков, Ю. Е. (1998). *Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801 – 1825)*. Санкт-Петербург: Нестор.
- Попов, М. С. (1912). *Арсений Мацеевич и его дело*. Санкт-Петербург.
- Рындзюнский, П. Г. (1989). Церковь в дворянской империи (XVIII в.). В А. В. Клибанов, *Русское православие : вехи истории* (стр. 230–308). Москва: Политиздат.

Соловьев, С. М. (1998). История России с древнейших времен. В С. М. Соловьев, *Сочинения : В 18 кн.* (Кн. 13). Москва: Голос. Получено из http://militera.lib.ru/common/solovyev1/25_03.html.

Шелохаев, В. В. (Ред.). (2010). *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия*. Москва: РОССПЭН.

References

Glazeva, A. S. (2010). Platon (v miru – Petr Georgievich Levshin) [Platon (in the world – Peter Georgievich Levshin)]. In V. V. Shelokhaev (Ed.), *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX v. : entsiklopediya [Russian conservatism in the middle 18th – at the early 20th century. Encyclopaedia]* (pp. 359–362). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Grosul, V. Ya. (2000). Zarozhdenie rossiyskogo politicheskogo konservatizma [The birth of Russian political conservatism]. In V. Ya. Grosul, B. S. Itenberg, V. A. Tvardovskaya, K. F. Shatsillo, & R. G. Eymontova, *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika. [Russian conservatism at the 19th century. Ideology and practice]* Moscow: Progress-Traditsiya. Received from http://propagandahistory.ru/books/pod-red--V-YA--Grosula_Russkiy-konservatizm-XIX-stoletiya--Ideologiya-i-praktika/ (in Russian)

Eliseeva, O. I. (2010). *Ekaterina Velikaya [Catherine the Great]*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Ikonnikov, V. (1879). Arseniy Matseevich. *Russkaya starina* (9), 1–34 (in Russian).

Kartashev, A. V. (1992). Ocherki po istorii russkoy tserkvi [Essays on the history of Russian church]. In A. V. Kartashev, *Sobranie sochineniy : v 2 t. [Collected Works: in 2 volumes]* (Vol. 2). Moscow: TERRA. Received from https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/ocherk-i-po-istorii-russkoj-tserkvi-tom-2/ (in Russian).

Klibanov, A. I. (Ed.). (1989). *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii [Russian orthodoxy: the landmarks of the history]*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Kondakov, Yu. E. (1998). *Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnyaya oppositsiya (1801 – 1825) [The spiritual and religious policy of Alexander the First and the Russian Orthodox opposition (1801 – 1825)]*. Sankt-Peterburg: Nestor (in Russian).

Popov, M. S. (1912). *Arseniy Matseevich i ego delo [Arseniy Matseevich and his cause]*. Sankt-Peterburg (in Russian).

Ryndzyunskiy, P. G. (1989). Tserkov' v dvoryanskoj imperii (XVIII v.) [Church in the Noble Empire (18th century)]. In A. V. Klibanov, *Russkoe pravoslavie : vekhi istorii [Russian orthodoxy: the landmarks of the history]* (pp. 230–308). Moscow: Politizdat (in Russian).

Solov'ev, S. M. (1998). Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since Ancient Age]. In S. M. Solov'ev, *Sochineniya : V 18 kn. [Works in 18 books]* (Book 13). Moscow: Golos. Received from http://militera.lib.ru/common/solovyev1/25_03.htm (in Russian)

Shelokhaev, V. V. (Ed.). (2010). *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka : entsiklopediya [Russian conservatism in the middle 18th – at the early 20th century. Encyclopaedia]*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Надійшла до редколегії 02.05.2017